

Елена Александровна Горячева¹
solo888@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЕДЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ И НАРРАТИВОВ В ЯПОНИИ²

Статья посвящена эволюции концептов и нарративов ответственности за ведение Второй мировой войны в японском историко-политическом дискурсе с 1945 по 2024 г. Автор анализирует ключевые термины, относящиеся к проблематике, выявляя их различия по субъекту, сфере правоприменения и историческому контексту употребления. На основе работ ведущих японских историков, политологов и правоведов (Ю. Ёсида, С. Акадзава, Т. Такахаси, К. Хигути и др.) реконструируются этапы трансформации данного дискурса: от юридически ограниченной ответственности периода оккупации к морально-философской рефлексии 1960—1970 гг., а затем — к институционализации вопроса в 1990-е и его реполитизации в XXI в. Особое внимание уделяется влиянию внешнего давления, фрагментированности исторической памяти и недостаточной интеграции метафизического измерения ответственности в трактовке К. Ясперса. В сравнительной перспективе подчёркивается тот факт, что в отличие от европейского опыта, где процессы трансформировались в самоинициированные внутренние преобразования, ситуация в Японии характеризовалась экзогенно обусловленным характером дискурса (зависимостью от внешнего давления как определяющего фактора), что усиливало его фрагментарность и политическую инструментализацию. Статья демонстрирует, что сохраняющиеся внутренняя несогласованность и политическая расколотость дискурса военной ответственности препятствуют выработке в японском обществе целостного и устойчивого самопонимания исторической вины.

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, дискурс, нарратив, ответственность, военные преступления.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

² Работа выполнена в рамках темы государственного задания ИИАЭ ДВО РАН «126020516691-9 Региональные проекты сотрудничества, развития и обеспечения безопасности в эпоху стратегической конкуренции и глобальных трансформаций в Евразии».

Elena A. Goryacheva³

solo888@yandex.ru

RESPONSIBILITY FOR WORLD WAR II: EVOLUTION OF CONCEPTS AND NARRATIVES IN JAPAN

The article examines the evolution of concepts and narratives concerning responsibility for World War II within Japan's historical and political discourse from 1945 to 2024. The author analyzes key terminology related to this issue, highlighting distinctions among terms based on the subject of responsibility, sphere of legal application, and historical context of usage. Based on the works of leading Japanese historians, political scientists, and legal scholars — including Yu. Yoshida, Sh. Akazawa, T. Takahashi, and K. Higuchi — the article reconstructs the stages of this discourse's transformation: from the legally constrained accountability of the US Occupation period, through the moral-philosophical reflection of the 1960s—70s, to the institutionalization of the issue in the 1990s and its repoliticization in the 21st century. Particular attention is paid to the influence of external pressure, the fragmentation of historical memory, and the insufficient integration of the metaphysical dimension of responsibility as conceptualized by K. Jaspers. In comparative perspective, the article emphasizes that, unlike the European experience — where processes evolved into self-initiated internal transformations — the Japanese case has been characterized by an exogenously conditioned discourse, heavily dependent on external pressure as a decisive factor, thereby reinforcing its fragmentation and political instrumentalization. The article demonstrates that the persistent internal incoherence and political polarization of the war responsibility discourse hinder the development of a coherent and stable sense of historical guilt within Japanese society.

Keywords: Japan, World War II, discourse, narrative, responsibility, war crimes.

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

В японском историческом и политологическом дискурсе в вопросе обсуждения вины⁴ и ответственности за ведение Второй мировой войны в терминологическом поле преобладает

³ Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

⁴ Подробнее о феномене имплементации вины за участие Японии во Второй мировой войне среди населения страны средствами оккупационной администрации США см.: [1].

формулировка *сэнсо: сэкинин* (戦争責任, букв. «ответственность за войну»). Термин *сэнсо:-но дзайсэкирон* (戦争の「罪責論」, «дискуссия (или теория) о вине и ответственности за войну») в послевоенной Японии применялся в основном:

- в философии (например, при переводах трудов К. Ясперса) [11; 13];
- в историко-политических дебатах о том, несут ли японское государство, правительство, император и народ ответственность за собственные действия во время Второй мировой войны [2; 5; 6; 17; 19; 20; 21];
- в работах по сравнительной политологии, где анализировались подходы к признанию вины в Германии и Японии [2; 7; 12].

Ключевые термины в японском дискурсе об ответственности за Вторую мировую войну различаются по содержанию, субъекту и сфере правоприменимости (см. табл. 1).

Наиболее часто употребляемый и широко известный термин — это *сэнсо: сэкинин* (戦争責任, «ответственность за войну» в целом, включающая политическую, моральную, историческую и отчасти правовую плоскости). Словари японского языка фиксируют базовую дефиницию как «ответственность за начало/ведение войны и действия в военный период» [14]. В послевоенной историографии Японии данный термин обозначал поле общественной дискуссии о доле вины государства, правящих элит и общества; классические труды историков Ёсида Ютака⁵ [6] и Акадзава Сиро [2] показывают, что фокус смещался от споров о «легитимности войны» к анализу структур, ставших источниками агрессии, и к уточнению масштабов преступных практик на оккупированных территориях. В работах юристов, специализирующихся в области международного права, таких как Такикава Хирохидэ [17], особое внимание уделяется попыткам классификации и типизации ответственности за ведение войны в контексте вины послевоенных поколений.

Следующим по частоте употребления в японском историческом и политологическом дискурсе может считаться термин *сэмпан сэкинин* (戦犯責任, «ответственность (лиц, признанных)

⁵ В данной статье японские имена собственные приводятся в традиционном порядке — сначала фамилия, затем имя, за исключением случаев, когда перед фамилией используются инициалы, что соответствует общепринятым академическим нормам цитирования в востоковедении.

военными преступниками»). Он утвердился в практике послевоенных процессов и категоризации А/В/С (А — «преступления против мира», В — «обычные военные преступления», С — «преступления против человечности»). В словарях японского языка *сэмпан* (戦犯) [4] определяется как сокращение от *сэнсо: хандзайнин* (戦争犯罪人) [3]; в японских источниках эта связка устойчиво соотнесена с Токийским процессом и судами союзников, которые шли в то же время. Тем самым *сэмпан сэкинин* становится правовым термином, связанным с фактами персонального осуждения и вынесения приговора. В исследовательских работах, касающихся преступлений класса В и С, зачастую дополнительно анализируются вопросы, кто и как был привлечён к ответственности, что подчёркивает индивидуально-уголовный характер последней [19].

Более широким по диапазону охвата степени ответственности является термин *сэнсо: хандзай сэкинин* (戦争犯罪責任, букв. «ответственность за военные преступления»). Он принадлежит к международно-правовой плоскости и применяется шире, чем предыдущий термин *сэмпан сэкинин*, поскольку включает и обозначение тех лиц, чья уголовная ответственность обсуждается или подлежит преследованию по нормам военного либо гуманитарного права (включая вопросы подчинённости приказам, командной ответственности и т.п.). В работах по международному гуманитарному праву, например в трудах Хигути Кадзухико [20], прямо говорится о необходимости преследования ответственных и ограниченной применимости «исполнения приказа» как самооправдания этого круга лиц. В японской правовой литературе термин увязывается с общей архитектурой комплекса наиболее серьёзных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества, *тю:каку хандзай* (中核犯罪), и дифференциацией ответственности (в том числе уголовной) за нарушения *jus ad bellum* (права, касающегося применения силы) и *jus in bello* (права, регулирующего ведение войны) [17; 21]. Параллельная ветвь публикаций — исследования по ответственности командования, демонстрирующие, что ответственность за военные преступления может вменяться и при бездействии начальника, что выходит за пределы популярного подхода в послевоенном дискурсе вышеупомянутой ответственности военных преступников [5].

Ключевые характеристики базовой терминологии

Термин	Диапазон применения термина	Включённые субъекты	Источник
<i>Сэнсо: сэкинин</i>	Интегрирующий общественно-политический термин	Коллективные субъекты (государство, общество, поколения)	Дискурсивно-нормативный конструкт послевоенной Японии
<i>Сэмпан сэкинин</i>	Официальное признание субъекта военным преступником	Конкретные индивидуальные субъекты (возлагаемая персонально уголовная ответственность + факт наличия суда и/или вынесенного приговора)	Продукт имевших место послевоенных процедур (Токийский процесс и т.д.)
<i>Сэнсо: хандзай сэкинин</i>	Юридическая ответственность за конкретный состав преступлений	Конкретные индивидуальные субъекты (возлагаемая персонально уголовная ответственность)	Нормы международного уголовного права

Сост. авт. по: [2; 6; 10; 17; 19; 20].

Большинство японцев фактически впервые столкнулось с самим понятием «ответственность за войну» именно в результате поражения страны во Второй мировой. До этого многие жители Японии придерживались характерного для XIX в. взгляда, согласно которому военные действия и приобретение колоний — естественная деятельность государства. Так, говоря о Японо-китайской войне 1894—1895 гг., положившей начало экспансии Японской империи в Азию, известный идеолог эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835—1901) писал о том, что война допустима, что она является одним из важнейших составных элементов «цивилизации» в её тогдашнем понимании в Японии. Фукудзава считал: Япония, продвигаясь от «полуварварства» к «цивилизации», может прибегать к войне без противоречия с «цивилизацией». Он исторически определил Первую японо-китайскую войну как «войну между цивилизацией и варварством», цивилизованной Японии против варварского Китая [22, с. 26]. В своей статье «Следует немедленно ударить по Пекину» Фукудзава утверждал следующее: «Нынешнее начало войны произошло потому, что Япония пыталась способствовать реформам в Корее в духе цивилизации, чтобы помочь ей достичь реальной независимости и самостоятельности. Однако китайцы не только противостояли

этой цивилизационной политике и создавали различные препятствия, но и в конечном итоге выразили своё сопротивление нам с помощью военной силы, и более того, поскольку они начали первыми, нам не оставалось ничего иного, кроме как объявить войну... То есть, хотя нынешняя война и является конфликтом между Японией и Китаем, по сути, это война между цивилизацией и варварством, светом и тьмой, и поскольку её исход влияет на тенденции развития обновляющейся цивилизации, мы, японцы, считающие себя передовым отрядом восточной цивилизации, должны осознавать, что сражаемся не просто в войне между странами, а ради мировой цивилизации, и должны нанести сокрушительный удар — нет, не укол в макушку, а мощнейший удар по голове» [18, с. 177].

В силу этих причин сама постановка вопроса о том, что за ведение войны, независимо от её характера, может быть затребована ответственность, оказалась для Японии неожиданной. Тем не менее термин «военная ответственность» быстро распространился среди её граждан.

С одной стороны, это произошло потому, что союзники в ускоренном темпе предпринимали меры по юридическому, политическому и административному привлечению японцев к ответственности за войну — в форме Токийского процесса, судов над военными преступниками категорий В и С, а также чистки государственных служащих.

С другой стороны, внутри страны массовое движение обнародовало факты нарушений прав человека и злоупотреблений во время Второй мировой, а также высказывания в поддержку войны, добиваясь политической и идеологической ответственности за них. Однако основной движущей силой в трансляции идеи военной ответственности в этот период были, прежде всего, оккупационные войска США и союзники как внешняя сила. Критика японцами действий оккупационной администрации в сфере привлечения к ответственности за войну была запрещена цензурой. В этом смысле внутренние инициативы японцев по преследованию ответственных за развязывание и ведение войны в целом выполняли роль резонатора политики оккупационных властей.

При осмыслении определения ответственности и/или вины за ведение войны японские историки и политологи наиболее часто обращаются к трудам К. Ясперса [11], Х. Арендт и Э. Левинаса [13].

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЙНУ» В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И В ЯПОНИИ

Представляется интересным выявить сходства и различия в понимании и подходах политологов и специалистов в области международных отношений Японии к тому, каким образом следует трактовать «ответственность за войну» как устоявшийся концепт с применением ряда критериев, включающих фокус субъекта/ субъектов вины, оценку происходящего с точки зрения действия или бездействия; определить уровень правоприменимости, политический и моральный диапазон, а также обозначаемую данным концептом степень ответственности (коллективной/универсальной); выявить ключевые проблемные точки феномена, а также баланс между категориями ответственных лиц (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ трактовки «ответственности за войну» во Франции, Германии и в послевоенной Японии

Критерий	Европа (Франция/Германия, 1990-е)	Япония (послевоенная дискуссия)
Фокус субъектов	Расширение круга субъектов от «прямых исполнителей» к «винтикам» бюрократической машины и соучастникам инфраструктуры преступлений	Долгое удерживание фокуса на «прямых виновных» (осуждённых трибуналами); ускользание от ответственности прочих вовлечённых; частая локализация адресата ответственности (責任の帰責の局限化)
Действие/ бездействие	Акцентированный переход к принятию во внимание «зла бездействия»: молчаливое соучастие, созерцательное бездействие, пассивная сопричастность как формы причастности (линия президента ФРГ Р. Вайцзекера)	Постепенное и запоздалое включение бездействия как предмета анализа; необходимость учитывать «невыполнение долга действия» (作為義務の不履行) у политических элит, институтов и граждан
Правовой уровень	Чёткое определение понятия «преступления против человечности», возможность преследования «не лидеров» как философская модель позднего возмездия (кейс Папона), судебная артикуляция коллективных форм участия	Правовой уровень долго сводится к итогам международных судов; смещение дискуссии — не столько в суд, сколько в политико-нравственную плоскость признаний и компенсаций «послевоенной ответственности» (戦後責任)

Критерий	Европа (Франция/Германия, 1990-е)	Япония (послевоенная дискуссия)
Политико-моральный диапазон	Публичные признания государства (ответственность за преступления коллаборационистского режима Виши (в частности, участие в холокосте) — Ж. Ширак в 1995 г., Л. Жоспен в 1997 г.); риторика памяти, адресованная всему «мы», включая непр причастных по факту действия	Критика «формальных» извинений без глубокой рефлексии; требование расширить политическую ответственность до уровней граждан и поколений (в том числе послевоенных поколений)
Коллективная/универсальная ответственность	Развитие линий, совместимых с коллективной/универсальной ответственностью: признание вины как ресурса для «настоящего примирения» (например, Германочешская декларация 1997 г.)	Поле спора: от концепции «субъектного действия» (主体的作為) (Маруяма Масао [9], Иэнага Сабуро [8]) к моделям «теории несубъектности» / «(слабой) субъектности» (非主体論 / (弱)主体論) (Такахаси Тэцую [16], Сайто Дзюньити [15]) — как соединить «коллективную ответственность» (集合的責任) с «универсальной ответственностью» (普遍的責任) и при этом не сузить круг адресатов
Перенос центра тяжести	От суда к политике памяти + моральной рефлексии всего общества; явное признание «соучастия молчанием»	От «военной ответственности» (戰時責任) к «послевоенной ответственности» (戰後責任): кто и каким образом несёт ответственность после войны, включая «косвенных участников» (間接的当事者) и «сопричастных участников» (關係的当事者)
Ключевые проблемные точки	Риск ретроспективной гиперколлективизации, который компенсируется институциональной артикуляцией и символическими актами государства	Недостаточное принятие во внимание внеправовых уровней ответственности («моральная ответственность» (道德的責任) и «метафизическая ответственность» (形而上学的責任), по Ясперсу) и инерция «адресного» подхода; дефицит внутренней «само-рефлексии» как всенародной практики

Сост. авт. по: [2; 7; 8; 9; 12; 15; 16].

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСА ОБ «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ» (1945—2024)

Историческая эволюция дискурса об «ответственности за ведение войны» в Японии после 1945 г. проходила через несколько этапов, каждый из которых был отмечен конкретными событиями и сдвигами в политике, общественном мнении и международных отношениях [2; 6; 7; 8; 9; 12; 15; 16].

Первый этап, охватывающий 1945—1949 гг., пришёлся на период оккупации Японии США. В это время произошло формирование дискурса послевоенной ответственности в строго юридических рамках: в международное право было введено понятие «военные преступления», а главным событием стал Токийский процесс — Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Ответственность трактовалась как индивидуальная ответственность правящих кругов, а не нации в целом. Этап был отмечен жёстким контролем информации и замалчиванием проблемы в общественном пространстве: интерпретации войны ограничивались официальными установками оккупационных властей.

Следующий этап (1950—1959) начался заключением Сан-Францисского мирного договора 1951 г. и восстановлением государственного суверенитета Японии в 1952 г. Эти события ознаменовали ослабление международного давления по вопросу ответственности. Произошёл политический разворот от демократических и либеральных реформ периода оккупации к консервативному курсу и усилению антикоммунистической политики под влиянием холодной войны. Этап был отмечен возвращением бывших военных и чиновников, связанных с военными преступлениями, в политику и администрацию, спадом публичных дискуссий об ответственности, а также общественными кампаниями за освобождение осуждённых военных преступников.

В 1960-е гг., на фоне высоких темпов экономического роста, перед японским социумом вновь встал вопрос исторической памяти. В 1960 г. в стране активизировалось движение против заключения Договора безопасности между Японией и США, вызвавшее новые дискуссии в отношении военной и послевоенной ответственности. На этом этапе появились споры о содержании

школьных учебников истории, впервые затронувшие вопросы агрессии Японии и её колониализма в Азии.

В 1970-е гг. важным событием стала нормализация дипломатических отношений между Китаем и Японией в 1972 г. Улучшение сопровождалось необходимостью признания фактов военных преступлений. Одновременно на внутреннем уровне обострились споры о допустимости официальных визитов представителей правящих кругов в святилище Ясукуни. В 1979 г. произошёл скандал вокруг цензуры школьных учебников, вызванный синонимичными заменами термина «агрессия».

1980-е гг. были отмечены интернационализацией проблемы памяти. В 1982 г. дипломатические протесты Китая и Республики Корея против «переписывания» учебников истории стали важным событием, превратившим вопрос исторической интерпретации войны в международный. В это же десятилетие состоялись первые судебные иски от бывших военнопленных и пострадавших, требовавших компенсации, что ознаменовало институционализацию дебатов о послевоенной ответственности. Проблема храма Ясукуни приобрела новую остроту: в 1985 г. премьер-министр Я. Накасонэ впервые посетил его после включения военных преступников класса А в список почитаемых там.

В 1990-е гг. произошло расширение гражданского движения и формирование так называемой дипломатии извинений. В 1995 г. состоялось заявление премьер-министра Т. Мураямы, в котором официально признавались «колониальное господство и агрессия», выражалось «глубокое раскаяние» и приносились «искренние извинения». В эти же годы публично заявили о себе бывшие «женщины для утешения», что вызвало широкие дебаты о формах компенсаций. В 1995 г. был создан Азиатский женский фонд, а неправительственные организации активизировали транснациональное сотрудничество, оказывая давление на правительство Японии.

Начало XXI в. вновь обострило проблему храма Ясукуни. В 2001 г. премьер-министр Д. Коидзуми начал регулярно посещать его, что вызвало внутривнутриполитические конфликты и дипломатические трения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот этап характеризовался реполитизацией памяти, трансформацией социальных движений и интернационализацией проблемы. Визиты в Ясукуни, споры об учебниках истории и международная критика придали вопросу глобальный масштаб.

В 2007—2015 гг. акцент переместился на институциональные решения и оценку проблем «женщин для утешения» и колониальной ответственности. Ключевым событием стало заключение Японо-корейского соглашения 2015 г., предполагавшего выплату компенсаций через специальный фонд и официальные извинения. Однако соглашение вызвало критику со стороны жертв и поставило вопрос о юридической и моральной ответственности.

Период 2016—2020 гг. был отмечен пересмотром соглашения 2015 г. новым правительством Республики Корея, что вызвало очередную волну дипломатической напряжённости. Одновременно в Японии усилилось внимание к передаче исторической памяти через образование, публичную историю и мемориальные практики. Этап был связан с укреплением концепции «ответственность = память + обучение + предотвращение повторения».

В 2021—2024 гг. дискурс вступил в стадию теоретической реконфигурации. Переосмысление ответственности происходило в контексте Сан-Францисской мирной системы, ст. 9 Конституции Японии и принципа пацифизма. На этом этапе произошёл переход от узкого понимания ответственности как юридической к более широкому нормативному полю, включающему историческую память, моральные обязательства и межпоколенческую ответственность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История формирования японского социально-политического дискурса об ответственности за войну имеет этапный и волнообразный характер. От исходной юридико-политической рамки периода оккупации США обсуждение постепенно смещалось к этико-философской рефлексии 1960—1970-х гг., а затем вновь возвращалось к правовым и компенсационным вопросам после 1989 г.

В сравнительной перспективе заметно отличие японской эволюции трактовки дискурса от европейской. В Федеративной Республике Германии и ряде других стран Западной Европы с конца 1940-х гг. параллельно развивались судебные процедуры, образовательная реформа и институционализируемая мемориализация.

В Японии же эти процессы оказались разорваны по времени и во многом зависели от внешнеполитической конъюнктуры.

Существенное воздействие на японский дискурс оказывало внешнее давление: активизация темы происходила преимущественно в ответ на международную критику — будь то проблема школьных учебников, вопрос «женщин для утешения» или обсуждение колониального господства. В отличие от Европы, где аналогичные процессы быстрее трансформировались в самоинициированные внутренние преобразования, японская ситуация обладала реактивным характером.

После окончания холодной войны в Японии всё заметнее проявилась тенденция к интерпретации войны через призму нарушений прав человека. Этот сдвиг приблизил японскую дискуссию к глобальным стандартам, но одновременно усилил её политизацию, поскольку юридические инициативы всё чаще становились предметом дипломатического давления и внутривосточной борьбы.

Важным отличием от европейского опыта остаётся недостаточная интеграция морального и метафизического уровней ответственности. Если в ряде европейских стран концепция «метафизической ответственности» (в трактовке К. Ясперса) получила заметное общественное и культурное распространение, то в Японии моральная ответственность, как представляется по итогам исследования, не стала устойчивой основой национального самопонимания.

Наконец, значимой характеристикой японского процесса формирования дискурса ответственности за войну является фрагментарность исторической памяти. Передача знания о войне осуществляется через отдельные неправительственные и некоммерческие организации, муниципальные инициативы и локальные образовательные программы, но в стране отсутствует единая институциональная стратегия. Это обстоятельство усиливает политическую поляризацию вокруг таких проблемных точек, как храм Ясукуни и содержание школьных учебников истории.

Таким образом, японская дискуссия об ответственности за войну, будучи глубоко связанной с международным контекстом и внутренними политическими изменениями, остаётся не полностью институционализированной и внутренне противоречивой, что отличает её от более целостного европейского опыта в аналогичной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горячева Е.А. Идеологическая демилитаризация Японии оккупационными войсками США (программа WGIP): истоки проблемы и влияние на современную Японию // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 42. С. 126—140.
2. 赤澤史朗. 戦後日本の戦争責任論の動向 = Акадзава Сиро. Динамика дискурса о военной ответственности в послевоенной Японии // 立命館法学. 2000. № 6 (274). С. 2607—2633.
3. 戦争犯罪人 = Военные преступники. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E4%BA%89%E7%8A%AF%E7%BD%AA%E4%BA%BA-550475#E3.83.87.E3.82.B8.E3.82.BF.E3.83.AB.E5.A4.A7.E8.BE.9E.E6.B3.89> (дата обращения: 10.09.2025).
4. 戦犯 = Военные преступники (сокращённая форма термина). URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E7%8A%AF-551104> (дата обращения: 10.09.2025).
5. 横濱 和弥. 国際刑法における上官責任と国内法化 = Ёкохама Кадзуя. Ответственность командования в международном уголовном праве и её имплементация во внутреннее законодательство. Токио: 慶應義塾大学出版会, 2021. 400 с.
6. 吉田裕. 戦後政治史の中の戦争責任問題 = Ёсида Ютака. Проблема военной ответственности в контексте послевоенной политической истории // 現代史研究. 1994. Т. 40. С. 3—11.
7. 石田雄. 記憶と忘却の政治学: 同化政策・戦争責任・集合的記憶 = Исида Такэси. Политика памяти и забвения: политика ассимиляции, военная ответственность, коллективная память. Токио: 明石書店, 2000. 320 с.
8. 家永三郎. 一歴史学者の歩み = Иэнага Сабуро. Путь одного историка. Токио: 岩波現代文庫, 2003. 287 с.
9. 丸山眞男. 戦争責任について. 思想の科学研究会一九五六年度総会における討論 = Маруяма Масао. О военной ответственности: дискуссия на Генеральной ассамблее Научно-исследовательского общества по философским исследованиям (1956 г.) // 丸山眞男集 = Собрание сочинений Маруяма Масао. Токио: 岩波書店, 1996. Т. 16. С. 323—333.
10. 宮崎 繁樹. 天皇の戦争責任 = Миядзаки Сигэру. Ответственность императора за ведение войны // 平和研究. 1989. Т. 14. С. 36—45.
11. 宮田 裕行. 戦争責任論の新しい視角: К・Ясперсаの形而上学的な責任 = Мията Хироюки. Новый взгляд на дискуссию о военной ответственности: метафизическая ответственность К. Ясперса // 公共研究. 2013. Т. 9 (1). С. 144—175.
12. 宮田 裕行. 戦後日本における戦争責任論 = Мията Хироюки. Теория военной ответственности в послевоенной Японии // 千葉大学社会文化科学研究. 2006. Т. 12. С. 261—275.
13. 村上暁子. レヴィナスにおける連帯の問題: ヤсперースとアーレントの戦争責任論に照らして = Мураками Акико. Проблема солидарности у Левинаса: в свете теорий военной ответственности Ясперса и Арендт // エティカ. 2024. Т. 17. С. 87—114.
14. 戦争責任 = Ответственность за войну. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E4%BA%89%E8%B2%AC%E4%BB%BB-1180264> (дата обращения: 20.09.2025).
15. 斎藤純一. 政治的責任の二つの位相—集合的責任と普遍的責任— = Сайто Дзюнъити. Две грани политической ответственности: коллективная

- и универсальная ответственность // 戦争責任と「われわれ」= Ответственность за войну и «мы». Киото: ナカニシヤ出版, 1999. С. 76—98.
16. 高橋哲哉. 戦後責任論 = Такахаси Тэцзя. Дискуссия о послевоенной ответственности. Токио: 講談社, 1999. 258 с.
 17. 瀧川裕英. 戦後世代の戦争責任 = Такикава Хирохидэ. Ответственность за войну послевоенного поколения // 東京大学法科大学院ローレビュー. 2023. Т. 18. С. 152—171.
 18. 福沢諭吉. 直に北京を衝く可し = Фукудзава Юкити. Следует немедленно ударить по Пекину // 続福沢全集. 第4巻 = Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити. Т. 4. Токио: 岩波書店, 1933. С. 176—177.
 19. 林博史. ВС 級戦犯裁判 = Хаяси Хирофуми. Суд над военными преступниками категорий В и С. Токио: 岩波新書, 2005. 195 с.
 20. 樋口一彦. 国際人道法ノート(7) = Хигути Кадзухико. Заметки по международному гуманитарному праву. Часть 7 // 琉大法学. 2015. Т. 93. С. 149—187.
 21. 広見正行. 国際法委員会「人道に対する犯罪の防止および処罰に関する条文案草案」の歴史的意義と将来的課題 = Хироми Масаюки. Историческое значение и будущие задачи проекта статей Комиссии международного права «О предупреждении и наказании преступлений против человечности» // 国際法外交雑誌. 2020. № 119. С. 71—87.
 22. 山内進. 明治国家における「文明」と国際法 = Ямаути Сусуму. «Цивилизация» и международное право в государстве Мэйдзи // 一橋論叢. 1996. № 115. С. 19—40.

REFERENCES

1. Goryacheva E.A. Ideologicheskaya demilitarizatsiya Yaponii okkupatsionnymi voyskami SShA (programma WGIP): istoki problemy i vliyanie na sovremennuyu Yaponiyu [Ideological Demilitarization of Japan by GHQ (War Guilt Information Program (WGIP)): the Origins of the Problem and Its Impact on Modern Japan]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2023, vol. 42, pp. 126—140. (In Russ.)
2. 赤澤史朗. 戦後日本の戦争責任論の動向 [Akazawa Shiro. The Dynamics of the Discourse on War Responsibility in Postwar Japan]. *立命館法学*, 2000, no. 6 (274), pp. 2607—2633. (In Jap.)
3. 戦争犯罪人 [War Criminals]. Available at: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E4%BA%89%E7%8A%AF%E7%BD%AA%E4%BA%BA-550475#E3.83.87.E3.82.B8.E3.82.BF.E3.83.AB.E5.A4.A7.E8.BE.9E.E6.B3.89> (accessed 10.09.2025). (In Jap.)
4. 戦犯 [War Criminals (Abbreviated Form)]. Available at: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E7%8A%AF-551104> (accessed 10.09.2025). (In Jap.)
5. 横濱 和弥. 国際刑法における上官責任と国内法化 [Yokohama Kazuya. Command Responsibility in International Criminal Law and Its Implementation into Domestic Legislation]. Tokyo, 慶應義塾大学出版会 Publ., 2021, 400 p. (In Jap.)
6. 吉田裕. 戦後政治史の中の戦争責任問題 [Yoshida Yutaka. The Issue of War Responsibility in the Context of Postwar Political History]. *現代史研究*, 1994, vol. 40, pp. 3—11. (In Jap.)
7. 石田雄. 記憶と忘却の政治学: 同化政策・戦争責任・集合的記憶 [Ishida Takeshi. The Politics of Memory and Forgetting: Assimilation Policy, War Responsibility, and Collective Memory]. Tokyo, 明石書店 Publ., 2000, 320 p. (In Jap.)

8. 家永三郎. 一歴史学者の歩み [Ienaga Saburo. The Path of a Historian]. Tokyo, 岩波現代文庫 Publ., 2003, 287 p. (In Jap.)
9. 丸山眞男. 戦争責任について. 思想の科学研究会一九五六年度総会における討論 [Maruyama Masao. On War Responsibility: Discussion at the Annual General Meeting of the Research Association for Philosophical Studies (1956)]. 丸山眞男集 [Collected Works of Maruyama Masao]. Tokyo, 岩波書店 Publ., 1996, vol. 16, pp. 323—333. (In Jap.)
10. 宮崎 繁樹. 天皇の戦争責任 [Miyazaki Shigeru. The Question of the Emperor's Responsibility in Launching the War]. 平和研究, 1989, vol. 14, pp. 36—45. (In Jap.)
11. 宮田 裕行. 戦争責任論の新しい視角 : K・ヤスパースの形而上学的な責任 [Miyata Hiroyuki. A New Perspective on the Discourse of War Responsibility: Karl Jaspers' Concept of Metaphysical Responsibility]. 公共研究, 2013, vol. 9 (1), pp. 144—175. (In Jap.)
12. 宮田 裕行. 戦後日本における戦争責任論 [Miyata Hiroyuki. The Theory of War Responsibility in Postwar Japan]. 千葉大学社会文化科学研究, 2006, vol. 12, pp. 261—275. (In Jap.)
13. 村上暁子. レヴィナスにおける連帯の問題 : ヤスパースとアールントの戦争責任論に照らして [Murakami Akiko. The Problem of Solidarity in Levinas: In Light of the Theories of War Responsibility by Jaspers and Arendt]. エティカ, 2024, vol. 17, pp. 87—114. (In Jap.)
14. 戦争責任 [War Responsibility]. Available at: <https://kotobank.jp/word/%E6%88%A6%E4%BA%89%E8%B2%AC%E4%BB%BB-1180264> (accessed 10.09.2025). (In Jap.)
15. 斎藤純一. 政治的責任の二つの位相—集合的責任と普遍的責任— [Saitō Jun'ichi. Two Dimensions of Political Responsibility: Collective and Universal Responsibility]. 戦争責任と「われわれ」 [Responsibility for War and the “We”]. Kyoto, ナカニシヤ出版 Publ., 1999, pp. 76—98. (In Jap.)
16. 高橋哲哉. 戦後責任論 [Takahashi Tetsuya. The Debate on Postwar Responsibility]. Tokyo, 講談社 Publ., 1999, 258 p. (In Jap.)
17. 瀧川裕英. 戦後世代の戦争責任 [Takikawa Hirohide. The Postwar Generation's Responsibility for the War]. 東京大学法科大学院ローレビュー, 2023, vol. 18, pp. 152—171. (In Jap.)
18. 福沢諭吉. 直に北京を衝く可し [Fukuzawa Yukichi. We Must Strike Beijing Immediately]. 続福沢全集. 第4巻 [Complete Works of Fukuzawa Yukichi. Vol. 4]. Tokyo, 岩波書店 Publ., 1933, pp. 176—177. (In Jap.)
19. 林博史. BC 級戦犯裁判 [Hayashi Hirofumi. Trials of Class B and C War Criminals]. Tokyo, 岩波新書 Publ., 2005, 195 p. (In Jap.)
20. 樋口一彦. 国際人道法ノート(7) [Higuchi Kazuhiko. Notes on International Humanitarian Law. Part 7]. 琉大法学, 2015, vol. 93, pp. 149—187. (In Jap.)
21. 広見正行. 国際法委員会「人道に対する犯罪の防止および処罰に関する条文草案」の歴史的意義と将来的課題 [Hirōmi Masayuki. The Historical Significance and Future Challenges of the International Law Commission's Draft Articles on the Prevention and Punishment of Crimes Against Humanity]. 国際法外交雑誌, 2020, no. 119, pp. 71—87. (In Jap.)
22. 山内 進. 明治国家における「文明」と国際法 [Yamauchi Susumu. “Civilization” and International Law in the Meiji State]. 一橋論叢, 1996, no. 115, pp. 19—40. (In Jap.)

Дата поступления в редакцию 13.10.2025